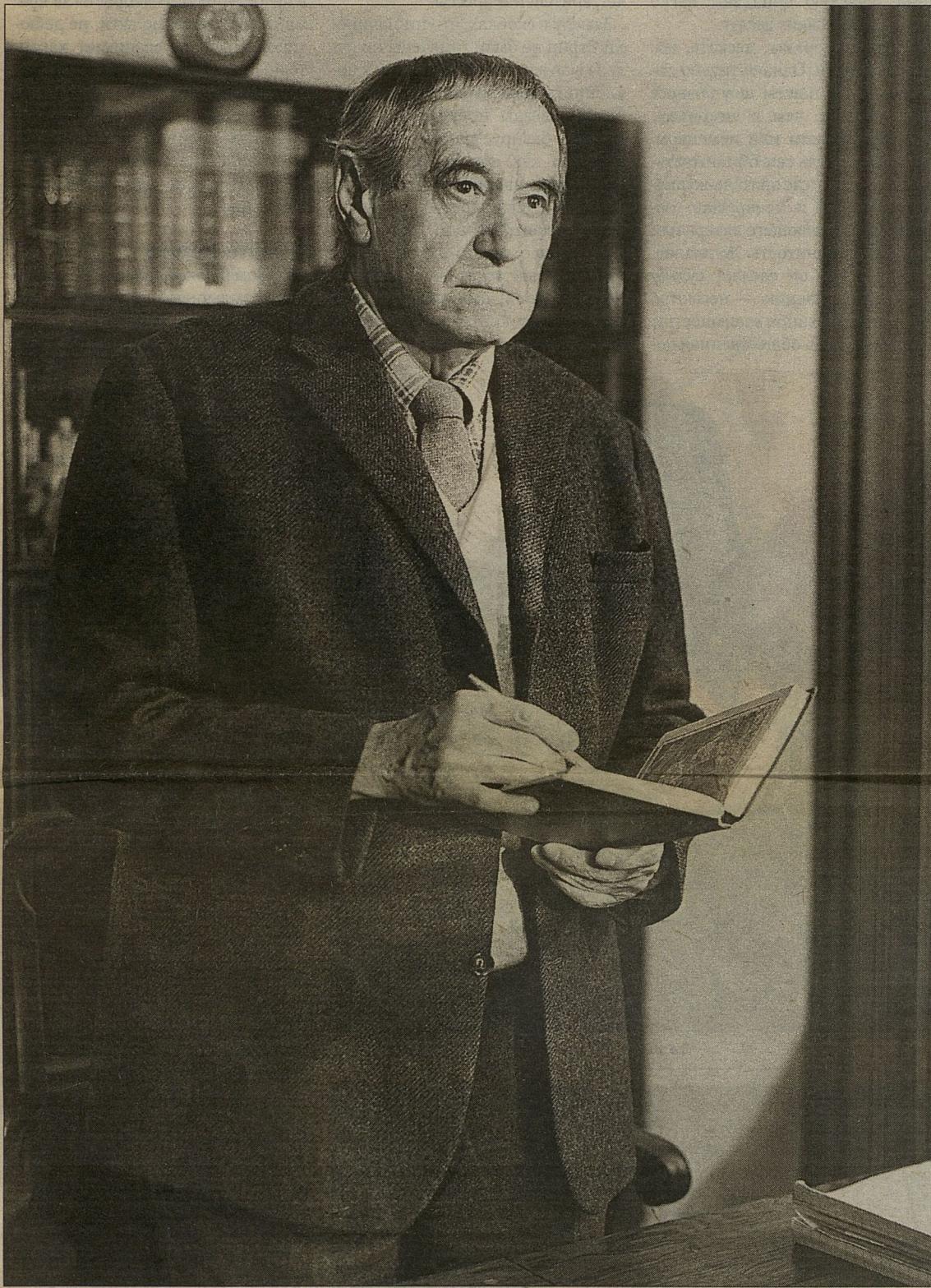

Проблема Катаева

ИСПОЛНИЛОСЬ СТО ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КЛАССИКА СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ЛИЧНОСТЬ И РЕПУТАЦИЯ КОТОРОГО СОТКАНА ИЗ ПРОТИВОРЕЧИЙ И ПАРАДОКСОВ

От пьесы «Растратчики» до повести «Трава забвения» — дорога длиною в жизнь

НАСЛЕДИЕ

Юрий АРПИШКИН

В КАЖДОЙ МЕЛКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЙ ЗАМЕТКЕ О ВАЛЕНТИНЕ КАТАЕВЕ, НАПРИМЕР, МОЖНО ПРОЧЕСТЬ, ЧТО ОН «ПИСАТЕЛЬ БУНИНСКОЙ ШКОЛЫ».

Это утверждение основано на неких, довольно туманных биографических обстоятельствах гораздо больше, чем на текстах. Где же это в них следы школы автора «Антоновских яблок» и «Туманных аллей»? Не обнаружить таких следов. Лучшая проза Катаева — чистейший случай отечественного модернизма, скорее связанного с опытами Андрея Белого и Федора Сологуба. Бунин — явление от этого всего далекое, если не прямо противоположное. Однако читательская и исследовательская инерция так сильна, что никакие бури не способны ее поколебать. Принято думать,

что Катаев как личность беспринципная мог имитировать любую стилистику. Выдающийся остроумец и пронзительный критик Зиновий Паперный говорил, что Катаев — единственный человек на свете, знающий, что такое социализм. Вместе с тем верность своему эстетическому выбору — едва ли не самая характерная черта Катаева. Что бы он ни писал в течение своей трудной и запутанной жизни, будь то даже роман «Я сын трудового народа», везде (именно везде) обнаруживаются сигналы и приметы стиля, сформировавшегося под непосредственным влиянием Серебряного века. Замечательно, что из всего многообразия мотивов русской модернистской культуры Катаев выбрал в качестве путеводных маяков наименее популярные, наименее разработанные. Его интересовало (в отличие от Бунина) то, что уходит от упоенного любования красотой мира, то,

что конфликтно, даже отталкивающее. Похоже на то, что ему было все равно о чем писать, лишь бы был случай еще раз подчеркнуть: красота может таиться в любом уродстве. Красота фразы, изящество парадокса — вот главные герои Катаева.

Он старался изо всех сил не обращать внимания на окружающую действительность. В 1942 году он писал в дневнике стихи, чтобы никогда их не печатать. И, действительно, трудно представить себе тогда публикацию такого текста, выдержанного на границе исповеди и самопародии: «Ее глаза блестели косо, арбузных косточек черней, и фиолетовые косы свободно падали с плечей. Пройдя нарочно очень близко, я увидел, замедлив шаг, лицо, скуластое, как миска, и бирюзу в больших ушах. С усмешкой жадной и неверной она смотрела на людей, а тень бензиновой цистерны, как время, двигалась по ней».

Думаю, что стихи — самая недооцененная часть наследия Катаева. Он начинал печататься как поэт в одесских газетах и стихи писал до глубокой старости. Для понимания природы его стиля и характера мироощущения они бесценны. Но, уверен, обладают они и абсолютной ценностью как явления языка. В стихах Катаев свободен не только от внешнего, грубо говоря, цензурного, давления (печатать не собирался), но и от разного рода профессиональных условностей. Здесь ему не надо было заботиться о читателе. А это была его большая и уютная забота. Катаев, похоже, чувствовал себя обязанным во что бы то ни стало писать увлекательно. Ради общей захватывающей интриги он мог позволить себе в тексте практически все, вплоть до сюжетных дисбалансов и несогласованностей. Это читатель простить может, но скуку не простит никогда. Так что и мотив этот — скуки, тоски, обиденности — Катаев оставляет для стихов. Если не складываются свои, цитирует и почти присваивает (с помощью литературного приема, а не плагиата, разумеется) чужие, в «Траве забвения» вдруг возникают строки напроцех забытого тогда Николая Бурлюка: «Тихим вздохом, легким шагом, через сумрак смутных дней по лугам и по оврагам бедной Родины моей, по глухим ее лесам, по непаханным полям каждый вечер бродит кто-то, утомленный и больной, в голубых глазах дремота веет вещей теплотой... И в плаще ночей высоко плещет, плещет на реке, оставляя ненароком след копыта на песке...». Собственно, так же и восторг, хотя бы перед южным ландшафтом: «Сначала сушь и дичь запущенного парка, Потом дорога вниз и каменная арка. Совсем Италия! Кривой маслины ствол, Повисший в пустоте сияющей и яркой, и море ровное, как стол». В прозе Катаева мы не най-

ева. Он возмущен повестью «Один день Ивана Денисовича». Он сказал: повесть фальшивая, в ней не показан протест. — Какой протест?! — Протест крестьянина, сидящего в лагере. — Но ведь в этом же вся правда повести: палачи создали такие условия, что люди утратили малейшее понятие справедливости. В этом вся суть замечательной повести! А Катаев говорит: как он смел не протестовать хотя бы под одеялом. А много ли протестовал сам Катаев во время сталинского режима? Он слагал рабы гимны, как и все». Здесь характерная абберация: Чуковский говорит о том, что в повести написана правда, а Катаев о том, что не во всякую правду можно поверить. Кроме того, он был уверен, что человек свободен всегда, пусть и только под одеялом. В этом заключалась его выстраданная гармония во взаимоотношениях с реальностью. Ему было достаточно протеста под одеялом. На людях он никакого протеста не выражал, даже когда это стало практически безопасным. Напротив — не устал подчеркивать, что всем обязан Октябрьской революции, восхищался личностью Ленина и осуждал «империалистов всех стран». Конечно, обнаруживаются в общественной позиции Катаева и традиционные для советского индивидуума противоречия. В конце 40-х годов, после известного ждановского постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», громил Зощенко и Ахматову. Но во времена не менее страшные подписывал письма в защиту Мандельштама, а потом всемерно помогал его вдове. В постсталинскую эпоху создал журнал «Юность», где впервые опубликовал Аксенова, Гладиллина и Войновича. В ту же эпоху участвовал в исключении из Союза писателей Лидии Чуковской и Александра Солженицына. Но почему-то голосовал против исключения

Катаев, вероятно, останется в истории литературы как писатель, пожертвовавший своим добрым именем во имя того, чтобы иметь возможность опубликовать несколько эффектных фраз и разящих метафор

Александра Галича. Найти во всем этом логику вряд ли кому-нибудь удастся. Так и не в ней счастье. Катаев, вероятно, останется в истории литературы как писатель, пожертвовавший своим добрым именем во имя того, чтобы иметь возможность опубликовать несколько эффектных фраз и разящих метафор. Из них при этом — как бы нехотя — сложилось выдающееся явление русской литературы. Какой ценой — навечно открытый вопрос. Катаев, кажется, пытался на него ответить в одной из лучших своих вещей раннего периода — повести «Растратчики».

Два жулика крадут казенные деньги и отправляются в ближайший трактир, потом едут в Ленинград, где гуляют в самых дорогих ресторанах, заканчивают в зале суда. Угрызения совести их не тревожат, и этот загул, несмотря на последовавшую за ним кару, остается лучшим их воспоминанием.

Заклинание все услышали и запомнили, но оно не помогло. Современники судили Валентина Петровича Катаева «по-своему», с непреклонной суровостью. «Я грех свячу тоской. Мне жалко негодяев, как Алексей Толстой и Валентин Катаев», — написал в перестройку простодушный Борис Чичибабин. Но и задолго до общественно-политических перемен, в ноябре 1962 года Корней Чуковский с изумлением зафиксировал в своем дневнике: «Встретил Ката-

Kataev в Валентине Петровиче... 01.02.07
(100-летие со дня рож.)
исковеркал.